

Каково это — когда тебя жестко обламывают прямо посреди пафосного монолога?

Цзи Яо мог ответить без колебаний: это просто блядь.

Эмоции переполняли его, он буквально остолбенел. Он долго молчал, лихорадочно перебирая в голове воспоминания и пытаюсь понять, где именно прокололся. Если он не способен обвести вокруг пальца даже Вэнь Линя, то о каких играх с Юй Сыюанем и Цзян Цютунем вообще речь? Проще сразу пойти и утопиться. Сколько бы Цзи Яо ни размышлял, всё казалось безупречным. Так где, черт возьми, он оступился?

— Это тебе Сюй Ее рассказала?

— Она по уши влюблена в Чжан Хэ. Расскажи она мне такое, Чжан Хэ тут же с ней расстанется. Она ведь не дура.

— И то верно, — смущенно протянул Цзи Яо. — Тогда откуда ты узнал?

Вэнь Линь отпил кофе:

— Недавно тут открылся новый бар. Поговаривали, что он для геев. Мне стало любопытно, и я решил заглянуть.

Цзи Яо едва не поперхнулся:

— Ты? И что, потянуло на парней?

Лицо Вэнь Линя приняло неопишемое выражение. Он пристально посмотрел на собеседника:

— Сходяв туда, я понял две вещи. Во-первых, я «сломался» только на тебе. Во-вторых... ты, оказывается, гей.

Цзи Яо вытаращил глаза от ужаса:

— Что?!

Инициатива полностью пресеклась и перешла к Вэнь Линю. Цзи Яо хотел бы как-то выкрутиться, но соперник крепко держал его за горло — крыть было нечем.

— Я встретил там одного парня, — нежно, в своей привычной манере продолжил Вэнь Линь. — Раньше он был скрытым геем, но бывший его бросил, и теперь парень пустился во все тяжкие. Его зовут Вэй Лань.

Вэнь Линь взглянул на Цзи Яо и холодно, без тени тепла улыбнулся:

— Мне нужно продолжать?

Цзи Яо потерял дар речи.

Он потер лицо. «Что-то меня в последнее время слишком часто выводят на чистую воду, — подумал он. — Может, и правда пора поумерить пыл?» Но мысли мыслями, а вслух он выдал с наглой ухмылкой, всплеснув руками:

— Ну, зато ты раньше не знал, что я обожаю наставлять рога. Теперь знаешь. Так что ты не в убытке!

Сказав это, Цзи Яо сам готов был себе поаплодировать. Произнести настолько бесстыдную чушь с таким невозмутимым видом — это надо уметь.

Вэнь Линь удивленно на него посмотрел. В этот миг в его душе заварился такой сложный коктейль из чувств, что и словами не передать. В конце концов, он рассмеялся от бессилия и злости:

— И что, мне теперь благодарить тебя за милосердие?

В этой фразе вдруг проскользнуло что-то из их общего прошлого, когда они, обнявшись за плечи, тревил шутки. Всё-таки они дружили много лет.

Но Цзи Яо, будучи порядочной сволочью, моментально ухватился за эту ниточку. Он на полном серьёзе закивал:

— Естественно! Если бы не моя доброта, на твоей голове уже колосились бы альпийские луга.

Вэнь Линь замолчал. Он прикрыл глаза, пытаясь унять бурю, бушевавшую в груди.

Когда он впервые услышал эту историю от Вэй Ланя, ему было чертовски трудно смириться. И дело было даже не в том, что Цзи Яо оказался геем. Самым невыносимым было то, что все эти годы Цзи Яо притворялся перед ним глупым натуралом. Вэнь Линь страдал от бессонницы ночами напролет, раз за разом перебирая в памяти детали их общения, отчаянно пытаясь опровергнуть очевидное.

«Как так? Не может этого быть!»

Потребовалось много времени, чтобы признать горькую правду. А причина была предельно

проста.

Вэнь Линь спросил себя: даже зная, какой Цзи Яо на самом деле, сможет ли он разлюбить его?

Ответ был безжалостным: нет.

Его душила обида, накатывало бессилие и тоска, но приходилось признать: пусть даже Цзи Яо годами водил его за нос, играя с его чувствами, как кошка с полуживой мышью, он всё равно его любил. Вэнь Линь не был глупцом. Он прекрасно понимал, почему Цзи Яо сейчас так груб и циничен. Цзи Яо точно знал, какие слова больнее всего бьют по мужскому самолюбию, и нарочно сыпал соль на рану, стараясь вызвать отвращение и растоптать его чувства.

Вэнь Линь знал, что всё это спектакль.

Но вместе с тем он понимал: каждое слово Цзи Яо — чистая правда.

Цзи Яо, верно, считал, что раз любовь может вспыхнуть в один миг, то и угаснуть она способна так же мгновенно. Но человеческий разум — не компьютер. Нельзя одним кликом мышки сбросить файлы в корзину и очистить память. Они сошлись еще в десятом классе, три года просидели за одной партой. Разъехались по разным вузам, но связь не теряли. И вот теперь — шесть лет знакомства.

Шесть лет. Ему самому всего двадцать. Сколько таких отрезков отмерено человеку?

Даже узнав, что Цзи Яо далеко не ангел, а его беспорядочные связи вызывают лишь боль, тревогу и брезгливое унижение, Вэнь Линь не мог вычеркнуть эти годы из сердца. Стоило закрыть глаза, и память услужливо воскрешала всё до мельчайших деталей.

Хорошее и плохое. Слезы и смех. Каждая сцена, каждый жест — везде был только Цзи Яо.

И в момент этой встречи Вэнь Линь с глубокой тоской осознал: помани его Цзи Яо пальцем, протяни руку — и он покорно шагнет за ним куда угодно. Хотя в бездну. Даже зная, что Цзи Яо плевать.

«Сам виноват, напросился», — горько признавал он собственное безрассудство.

Но страшнее всего было то, что Цзи Яо руку протягивать не собирался.

А Цзи Яо всё продолжал болтать без умолку:

— С первого курса у меня постоянно кто-то был. Свои первые постельные рекорды я поставил

со вторым или третьим парнем. Как только надоедало — сразу менял. Иногда от скуки крутил романы параллельно: кажется, на пике у меня было сразу четыре бойфренда... Пару раз я даже думал приударить за тобой, но потом решил не связываться. Слушай, ты просто мало видел в жизни. Зеленый еще совсем, даже девчонок за руку не держал, откуда тебе знать, что такое любовь? Вот наберешься опыта, оглянешься назад и поймешь, насколько был наивен... Охренеть! Эй, ты чего, плачешь?!

Цзи Яо осёкся на полуслове. Он поднял глаза и увидел, что Вэнь Линь, прижав руку к груди, едва заметно хмурится. На его красивом, утонченном лице не отражалось почти ничего, кроме безмолвного отчаяния, но из глаз крупными каплями катились слёзы. Цзи Яо растерялся и потянулся к нему, пытаясь утереть влажные дорожки, но Вэнь Линь резко оттолкнул его руку и сам вытер лицо.

Вэнь Линь зажмурился, не желая показывать слабость — только не сейчас, после этой леденящей душу исповеди. Он чувствовал себя так, словно его искренние чувства бесцеремонно швырнули на грязный пол и растоптали прямо у него на глазах. Будто его раздели донага посреди оживленной улицы, втоптали в грязь и заставили выслушивать насмешки от человека, которого он ценил больше жизни.

В груди закипали стыд, ярость и горькая обида.

Он мысленно проклинал себя за глупость. Каким же идиотом нужно быть, чтобы лететь на крыльях радости после одного лишь звонка! Каким дураком — затаить дыхание при виде Цзи Яо, ждущего у входа! И каким законченным кретином — надеяться на что-то, когда тот предложил «поговорить»!

Ему хотелось кричать, крушить мебель, бросить всё и уйти, но безупречное воспитание не позволило сорваться на крик. Вся его боль скопилась в горле, и когда он наконец заговорил, голос прозвучал тихо, почти шёпотом:

— Цзи Яо... ты правда думаешь, что когда вонзаешь в кого-то нож... ему совсем не больно?

Он дышал тяжело, словно раненый зверь. На тыльной стороне ладони, прижатой к сердцу, вздулись вены, а в голосе пробила едва заметная дрожь.

— Ну конечно. Я ведь полюбил не тебя, а лишь образ, который сам себе выдумал. Идеализированное воспоминание, глупую иллюзию, за которую уцепился... Да и любил ли вообще? Я ведь так молод, откуда мне знать цену чувствам...

Вэнь Линь прерывисто вздохнул:

— Ты ведь именно так всё это видишь, верно?

Цзи Яо прикусил губу и промолчал. Язык так и чесался выплюнуть привычное «да мне плевать», но слова застряли в горле. Странно. Он всегда считал себя сухарем, но сейчас, глядя на слёзы Вэнь Линя, ощутил, как внутри противно защемило.

На секунду ему даже захотелось отступить, прекратить эту пытку. Но глупо бросать дело на полпути. Раз уж решил резать по живому, обратной дороги нет.

Они долго сидели в гнетущей тишине. Цзи Яо с виноватым видом поерзал на стуле и наконец осторожно предложил:

— Слушай... а может, станем просто трахаться? Без обязательств. Клянусь, у меня никогда не было «друзей для секса», так что для меня это чертовски щедрое предложение.

Если до этого момента Вэнь Линю было просто больно, то это предложение окончательно его добило. Душевная пустота была настолько глубокой, что ему захотелось рассмеяться. И он рассмеялся — горько, надрывно. Закрыв лицо руками, он бессильно ссутулился, а затем выдавил сквозь зубы:

— Цзи Яо... ты хоть понимаешь значение слова «любовь»? Ты хоть раз задумывался, что значит «я тебя люблю»? Знаешь ли ты, что я берёг тебя больше всего на свете? Что дышать на тебя не смел, боялся замарать своими чувствами?

Он посмотрел на Цзи Яо взглядом, в котором глубокое разочарование смешалось с глухой, беспросветной тоской.

— Ты слишком дешево ценишь меня. Слишком дешево ценишь себя. И то, что было между нами, ты тоже превратил в дешевку. Тот, кто любит, никогда так не поступит.

В памяти Цзи Яо Вэнь Линь всегда оставался человеком исключительной сдержанности. Его улыбка, взгляды, манеры — всё было подчеркнуто деликатным и мягким. Даже единственную попытку сорваться он пресек на полуслове. словно благородный муж, сошедший со страниц старинных трактатов, он выверял каждый свой шаг по невидимой линейке.

Цзи Яо никогда не видел в этом ничего странного. И лишь теперь, вслушиваясь в его горькие признания, он с удивлением осознал: Вэнь Линь впервые в жизни прямо, без уверток и полутонов сказал ему эти слова.

Нет, не «ты мне нравишься».

«Я тебя люблю».

Договорив, Вэнь Линь резко поднялся, собираясь уйти. Находиться рядом с Цзи Яо было невыносимо физически — казалось, еще секунда, и он просто задохнется. Но стоило ему

сделать шаг, как Цзи Яо слабо потянул его за край пальто. Усилие было пустяковым, однако Вэнь Линь замер. Он медленно опустил взгляд на парня.

В этот миг глубоко в его опустошенной душе вопреки всему робко затеплилась последняя, жалкая надежда.

Цзи Яо беззаботно улыбнулся — его лицо снова приняло привычный, легкий и совершенно равнодушный вид:

— Да так, ничего особенного. Просто хотел спросить: раз уж мы всё выяснили, мы ведь по-прежнему друзья?

На секунду или две мысли Вэнь Линя полностью отключились. Земля ушла у него из-под ног. Слова Цзи Яо ударили без промаха, точно выверенным лезвием прямо в сердце.

Придя в себя, он ощутил лишь глухое оцепенение. Оказывается, один человек действительно способен настолько безжалостно растоптать другого.

Внезапно на него снизошло странное, леденящее спокойствие. Вэнь Линь протянул руку и медленно, палец за пальцем, разжал хватку Цзи Яо. Затем он спокойно взял со стола свою чашку с недопитым остывшим кофе и выплеснул ее содержимое прямо Цзи Яо на голову.

Под ошеломленными взглядами посетителей кафе Вэнь Линь тихо произнес:

— Ты вызываешь у меня отвращение.

Не удостоив облитого грязной жижой Цзи Яо даже мимолетным взглядом, он развернулся и вышел на улицу.

Несмотря на разгар зимы, день выдался на редкость солнечным. Вэнь Линь шел сквозь золотистые потоки света, словно охваченный невидимым сиянием. Воспоминания о прошлом лавиной обрушились на него, заполняя каждую клеточку мозга.

Он брел по залитой солнцем улице, прокручивая в голове сцену за сценой. Из глубин памяти улыбающийся Цзи Яо дружески обнимал его за шею горячей рукой и без умолку выкрикивал его имя. Голос звучал так отчетливо, будто всё это происходило прямо сейчас, и они всё еще были беспечными школьниками.

«Вэнь Линь».

«Вэнь Линь?»

«Вэнь Линь!»

«Вэнь Линь...»

— Да, — тихо отозвался он одними губами, как делал это сотни раз прежде.

И крупные слезы, сверкая в лучах полуденного солнца, беззвучно покатались по его щекам.

В кофейне Цзи Яо сидел неподвижно. Липкие коричневые капли стекали с мокрых волос по вискам, подбородку и шее, проникая под воротник противной ледяной сыростью. Он вяло стер пальцами грязь с лица. В этот момент зазвонил телефон — это был Чжан Хэ.

— Ну как всё прошло?

Цзи Яо вытянул из салфетницы бумажный платок, накрыл им глаза и, откинув голову на спинку стула, глухо усмехнулся:

— Чжан Хэ, прикинь, я впервые в своей гребаной жизни сделал по-настоящему доброе дело.

— Обрубил концы с Вэнь Линем? Избавил парня от мук? Что ж, поздравляю.

— Ага, — Цзи Яо прижал дрожащие пальцы к салфетке на глазах, криво усмехаясь. — Вот только делать добрые дела... паршиво до безумия.

Положив трубку, он несколько минут сидел в прострации. Затем, словно очнувшись, снова разблокировал экран и набрал номер Юй Сьюаня.

Юй Сьюань был по горло занят работой, но, увидев имя на дисплее, тут же расплылся в улыбке. Он ответил на звонок, и из динамика привычно зазвучал бодрый, полный энергии голос. Сьюань легко мог представить, как Цзи Яо на том конце провода активно жестикулирует, так и брызжа неумным задором.

— Ну что, закончил? Проблем не возникло?

— Обижаешь! Разве у великого меня могут быть осечки? Всё уладил в лучшем виде. Скажи же, я чертовски крут?

Юй Сьюань не сдержал мягкой улыбки:

— Да. Чертовски крут.

Альтернативная зарисовка

Все в поднебесной знали: императорский чтец Вэнь — благородный муж, чистый и безупречный, словно кусок нефрита. Его поступки всегда были взвешенными, а манеры — безукоризненными. Он никогда не совершал ошибок.

Но разве бывают на свете идеальные святые? Вэнь Линь, конечно же, тоже умел поддаваться безумным порывам.

Тогда они оба были лишь юношами. Будущий повелитель империи еще не взошел на трон, оставаясь лишь юным принцем, а сам Вэнь Линь не успел сдать экзамены на звание Танхуа и получить должность в Академии Ханьлинь — он был простым спутником и товарищем принца по учебе.

Уже тогда его сердце до краев заполняла тайная нежность. Горький статус не позволял открыть душу ни единым словом, но возлюбленный всегда находился рядом. Они проводили бок о бок день за днем. Эта близость приносила Вэнь Линю сладкую муку, которую он принимал с трепетной благодарностью.

Как-то раз, склонившись над книгами, принц сильно утомился и крепко заснул, положив голову на сложенные руки. Вэнь Линь долго и завороженно смотрел на него. Словно поддавшись наваждению, он медленно наклонился и едва ощутимо коснулся своими губами его мягких губ.

В то мгновение ему показалось, будто он одновременно взлетел в чертоги бессмертных и рухнул в преисподнюю. Грудь обожгло жаром, конечности онемели. Сердце разрывалось от щемящей боли, но душу накрыло такой невероятной, пьянящей радостью, что из глаз невольно брызнули слёзы.

Мудрецы учили: «Чувства рождаются в сердце, но сдерживаются приличиями». Он сковал себя бесчисленными цепями правил и законов, веря, что сумеет скрыть малейшие следы своей страсти. И всё же не устоял.

Но когда их губы соприкоснулись...

Какое же это было ни с чем не сравнимое счастье.

Какое блаженное упоение.